

*75-летию
Победы в Великой
Отечественной
Войне 1941-1945 гг.
посвящается*

Книга Памяти

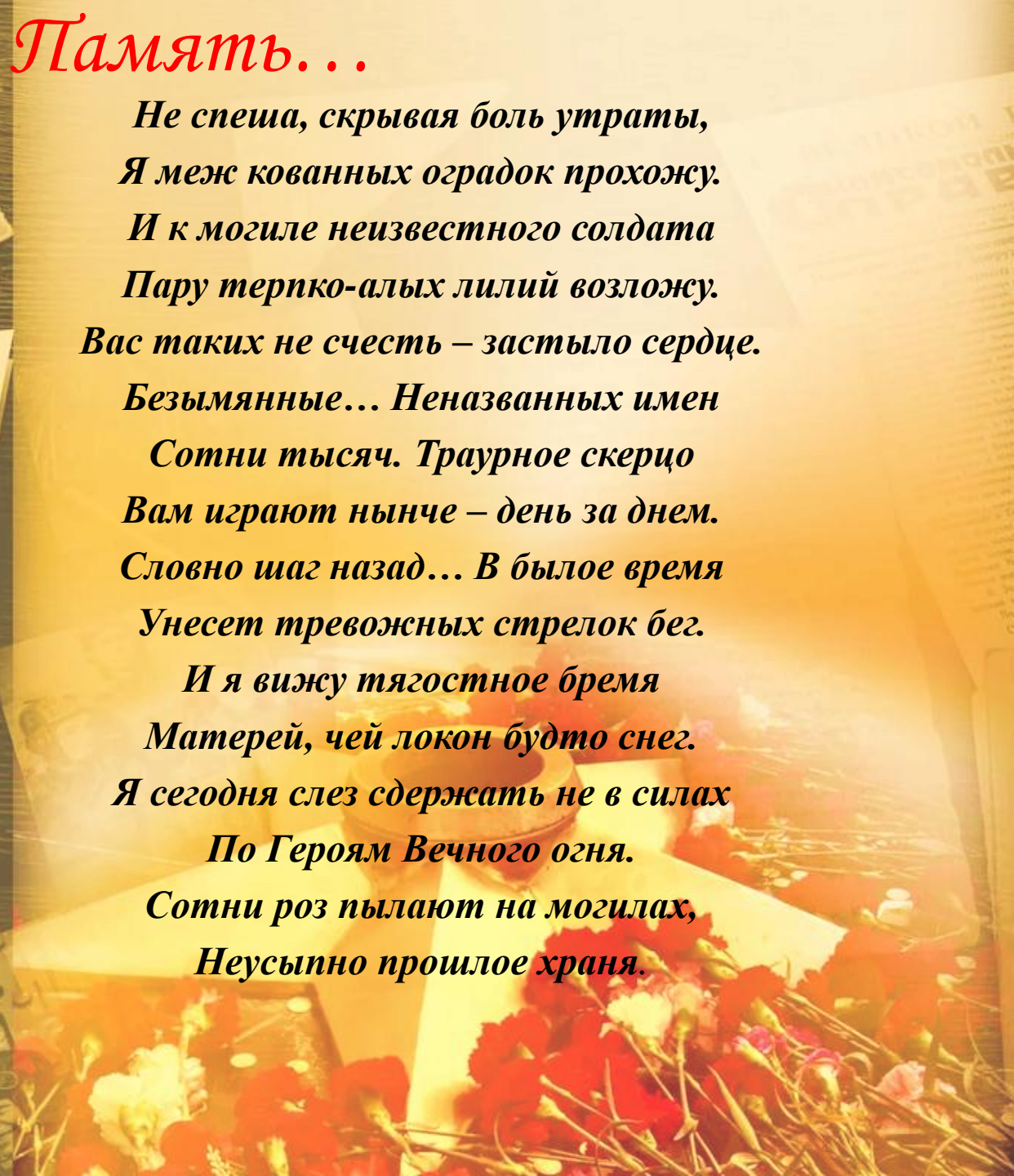
*земляков и родственников сотрудников
Государственной жилищной инспекции Республики Татарстан*

9 мая 2020 г.

Память...

*Не спеша, скрывая боль утраты,
Я меж кованных оградок прохожу.
И к могиле неизвестного солдата
Пару терпко-алых лилий возложу.
Вас таких не счесть – застыло сердце.
Безымянные... Неназванных имен
Сотни тысяч. Траурное скерцо
Вам играют нынче – день за днем.
Словно шаг назад... В былое время
Унесет тревожных стрелок бег.
И я вижу тягостное бремя
Матерей, чей локон будто снег.
Я сегодня слез сдержат не в силах
По Героям Вечного огня.
Сотни роз пылают на могилах,
Неусыпно прошлое храня.*

Письмо фронтовому другу

Я очень внимательно смотрел передачи по центральному телевидению «Солдатские мемуары» и киноленту «Шел солдат». Не знаю почему, но я Вам решил написать письмо. То ли потому, что я снова пережил годы Великой Отечественной войны, то ли потому, что я все эти годы ношу в своей душе тяжесть утраты фронтовых друзей. А может быть потому, что вспомнил фронтовые дороги, то горе, те трудности, которые пришлось пережить не только мне, а миллионам таких, как я, у всех, а не только у меня, болью отзываются в душе. Да, «Солдатские мемуары» ...

Я преклоняюсь перед полными кавалерами ордена Славы. Они этого заслужили. Это люди, обладающие трудолюбием, сочетающим в себе стойкость и волю к победе. И молюсь просто Советским солдатам, фронтовикам. Но думали ли солдаты о наградах? Нет. А вот о победе думали. Мы, солдаты и сержанты, младшие офицеры, т. е. командиры взводов и рот в то время, конечно, думали в первую очередь, как выполнить поставленную перед нами задачу и выполнить ее хорошо, остаться живыми, ведь в тайниках своей души каждый думал, что с ним ничего не случится, в крайнем случае отделается госпиталем. Почему я так пишу, да потому что, слушая рассказы полных кавалеров ордена Славы и смотря киноленту «Шел солдат», я вижу свою судьбу, хоть я не имею ни одного ордена Славы.

9 августа 1941 года я добровольцем пошел в Красную Армию. Мне только что исполнилось 19 лет. До июля месяца 1942 года

Письмо фронтовому другу

воевал телефонистом в 51 Отдельной стрелковой бригаде под с. Старая Русса в километрах 10-15 от фанерного завода (Командовал нами майор Бакланов. Недавно читал в газете «Правда» статью за подписью генерал-лейтенанта Бакланова. Интересно, это тот Бакланов или другой?). К героям себя не отношу, но в полную меру испытал тяготы войны летом, осенью, зимой и весной, а этой грязи помесил, полазил по ней вдоволь, всегда промокший до нитки! И поголодал весной 1942 года тоже вдоволь. И была у меня в то время одна единственная мечта: как бы поесть, а если останусь жив, то после войны обязательно буду поваром и только поваром. Но поваром быть не пришлось. И что интересно, никто из солдат в то тяжелое время не болел, не простудился, даже не было насморка. А солдаты старшего возраста рассказывали, что до войны они болели гастритом или была язва желудка, но у них на Северо-Западном прошли эти болезни. Тяжесть солдата на нашем участке фронта усугублялась тем, что нас довольно часто ночью посылали в тыл примерно километров за 10. Как стемнеет в тыл несем по 5 винтовок, обратно снаряды, мины, патроны. И приходили на рассвете. А прогуляться в ночное время за 15-20 км по тем дорогам, тропам, а иногда прямо по болотам, скажу прямо, физически очень тяжело. А прибыв в расположение своего взвода изнеможенными и голодными, очень хотелось поесть и отдохнуть, а где? На передовой окопов не было, а были срублены стены по 3-4 бревна в высоту, а со стороны противника обложено землей и дерном. Так

Письмо фронтовому другу

что этот козырек защищал от пуль и осколков, если стреляли, а мины и снаряды разрывались спереди бруствера. А если разрывались сзади? Мне повезло...

Где-то в первой половине апреля месяца 1942 года меня вызвал командир взвода связи младший лейтенант Червонцев и приказал взять 2 катушки провода и провести связь от наблюдательного пункта командира батальона до командира батальона и корректировать огонь нашей артиллерии, когда батальон пойдет в атаку. Это было ночью. Связь я провел, а на рассвете батальон пошел в наступление. Интересно то, что до немцев было метров 300, но почему-то все разговаривали шепотом. Почему? Я и сейчас помню серые лица солдат и их настороженные глаза, а губы белые. И вот батальон пошел в наступление. Если ад не существует, то это неправда! Этот бой был адом. В бой пошли без артподготовки, вначале в полный рост, а затем короткими перебежками, и, когда до немцев осталось метров 150, немцы открыли ударный огонь из всех видов оружия. Мы на открытой, как ладонь, местности, воронки от мин и снарядов тут же наполнялись водой. Откуда-то с флангов ударили пулеметы трассирующими пулями. У нас поднялась паника: кто-то кричит, просит помощи, некоторые просто кричали «мама», другие бросились бежать обратно, а тех, которые залегли, поднять в атаку не было никакой силы. Управление боем было потеряно. Потери были очень большими. Командира батальона ранило в плечо и, когда я ему

Письмо фронтовому другу

помогал выбраться из боя, меня легонько зацепило в ногу. Мы оба попали в медсанбат и что? В медсанбате давали по 75 гр. сухарей на сутки, на третий день я сбежал в свой взвод. Разве есть мерило, которым было бы можно определить степень трудности и опасности на фронте, на огненной земле или под Старой Русой ?? Уж солдату везде трудно, везде опасно, везде поджидает смерть. Нет, мы воевали не за награды, а за жизнь. Если кто и погибал в бою, то он своей смертью спасал жизнь десяткам других.

Да, «Солдатские мемуары» и кинолента «Шел солдат» ... Что же Вы затронули в моей душе, почему я никак не могу успокоиться и все эти дни думаю о солдатских дорогах, наверное, самым Богом проклятых.

Уважаемый, меня интересует судьба одного сержанта. В 1943 году 5 июля на Орловско-Курской дуге я был тяжело контужен. После излечения в госпитале, прибыв в отдел кадров 1-го Белорусского фронта, меня принял майор. Прочитав командировочное предписание, майор потребовал справку о ранении, а прочитав ее, вздохнул, направить в свою часть наотрез отказался и послал меня на курсы усовершенствования командного состава 1 Белорусского фронта. На курсах я проучился с месяц-полтора, мне предложили вести огневую подготовку и тактику в курсантском взводе. Я принял взвод как его командир и преподаватель. И вот здесь я встретил сержанта Колесова. К этому времени я гвардии старший лейтенант много встречал

Письмо фронтовому другу

орденоносцев и Героев Советского Союза, да и на курсах Героев было несколько человек. Но Колесов, как мне кажется, был один. В 1944 году Колесову было, кажется, 17 лет. Войну начал 14летним подростком в 1941 году вместе с отцом. Отец погиб, его заменил Колесов младший, а прибыв в 1943 году на курсы младших лейтенантов 1 Белорусского фронта, был награжден Орденом Отечественной войны, кажется, двумя Орденами Красной Звезды, тремя Орденами Красного Знамени и медалью «За отвагу». Отлично учился, не кичился своими наградами, был очень скромн и исполнительн. Какая дальнейшая судьба этого юного героя, кажется, из 13 армии, не знаю. После выпуска младший лейтенант Колесов уехал в свою армию, а меня направили в 61 армию, в которой я и закончил Великую Отечественную войну.

Ну а что же потом? А потом служба в Советской военной администрации в Германии: помогали немцам в народном хозяйстве и становлении демократических свобод, помогали строить новую Германию и, кажется, свою задачу выполнили. Ну а потом в 1948 году демобилизовался, приехал в родной город Казань и поступил работать на завод по своей специальности. Ведь я до войны был фрезеровщиком. А работать пришлось и за себя, и за того парня. До 1975 года я свою справку о ранении никому не показывал, а вот в 1975 году здоровье резко ухудшилось и справку пришлось-таки достать. Сейчас я инвалид Отечественной Войны III группы, работаю контролером.

Письмо фронтовому другу

Вот, наверное, и все. Да, и вот ведь какие дела: вначале немцев били и старались как можно больше убить, а потом их же защищали и помогали чем могли, а иногда и своей кровью, чтобы выжили. И представьте себе, и ходили мы по этим дорогам, и ползали по ним же. (Правда, вид у нас был далеко не ухарский.) Но ничего, выжили, дошли до Берлина и победили! Победа – вот самая высокая награда солдатам, и мы ее получили. А сейчас необходимо сохранить мир, не повторить Богом проклятых дорог.

Извините, что отнял у Вас драгоценное время, но я Вам рассказал об одной из своих фронтовых дорог. Если Вы спросите, чего же я хочу? То я отвечу: «Ничего!» Просто так написал, как фронтовик фронтовику. Я всех фронтовиков считаю своими друзьями, так что считайте, написал просто другу. Ответа, конечно, не жду, У Вас, наверное, нет времени расплываться на меня. Ведь Вы получаете таких или подобных писем тысячами. Так что, извините.

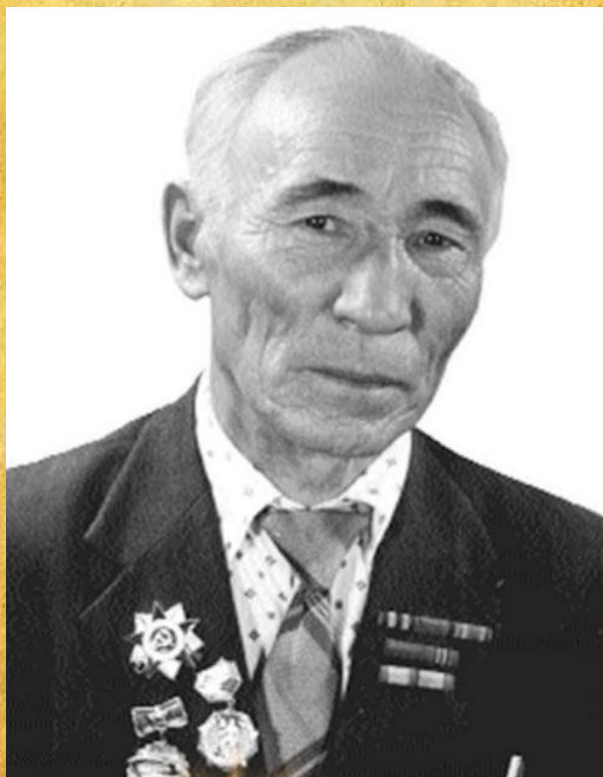
Если будете в Казани, обязательно заходите в гости. Я всегда рад друзьям. Мой адрес 420033, г. Казань, ул. Кулахметова, д. 3, кв. 131.

Крайнов Аркадий Федорович

Р.С. Почему перед наступлением солдаты разговаривают шепотом? Так было под Старой Русой, так было перед наступлением на Орловско-Курской дуге. Почему во время Великой Отечественной Войны я не видел просто чем-то больных? Известна ли судьба Колесова? Кто такой генерал Бакланов? Не он ли майор Бакланов, командовавший 51 отдельной стрелковой бригадой? Почему фронтовики при встречах избегают разговоров о войне? Если кто-то что-то вспомнил, то стараются тут же перевести разговор на мирную тему?

Кадыргулов

Юмабай Ахметшарипович (1924-2006)

воинское звание: младший сержант,

командир минометной батареи

родство: дед Юнусовой Р.С. (АП ГЖИ РТ)

Устимов Иван Павлович (1924-1960)

воинское звание: рядовой, красноармеец

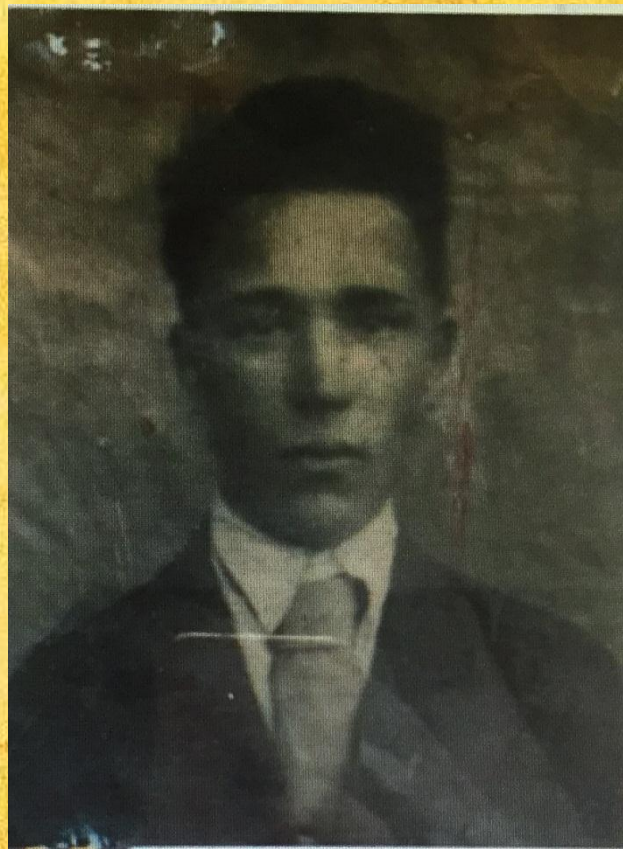
награда: медаль «За отвагу» от 18.07.1944

родство: прадед Махмутовой Н.Н. (АЗЖИ)

Абдрахманов Абу-Бакир (1908-1941)
военское звание: лейтенант
родство: дед Гайнуллина Г.У. (ЕЗЖИ)

Аглиев Зиннат Халиуллович (1924-1944)
военское звание: красноармеец
родство: брат бабушки Каримовой Ф.Ф. (АЗЖИ)

За нашу Советскую Родину

★ УДОСТОВЕРЕНИЕ ★
За участие в героической обороне
СТАЛИНГРАДА

сержанту Петрову

Андрею Романовичу

Указом ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
от 22 декабря 1942 г. награжден
медалью

«ЗА ОБОРОНУ СТАЛИНГРАДА»

От имени ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
медаль «За оборону Сталинграда»
вручена *17-го октября* 1942 г.

З № 21150

командир 233 артиллерийской
стрелковой дивизии

*накомисс *В.И. Соколов**
(подпись, печать и печать)

Петров Андрей Романович (1914-2000)

воинское звание: сержант, командир расчета «Катюша»

награда: орден Красной Звезды

родство: прадед Холоповой Э.Д. (АП ГЖИ РТ)

1941 - 1945

Кириллов Дмитрий Николаевич (1924-1964)
воинское звание: сержант
родство: дед Арефьевой Е.Н. (АП ГЖИ РТ)

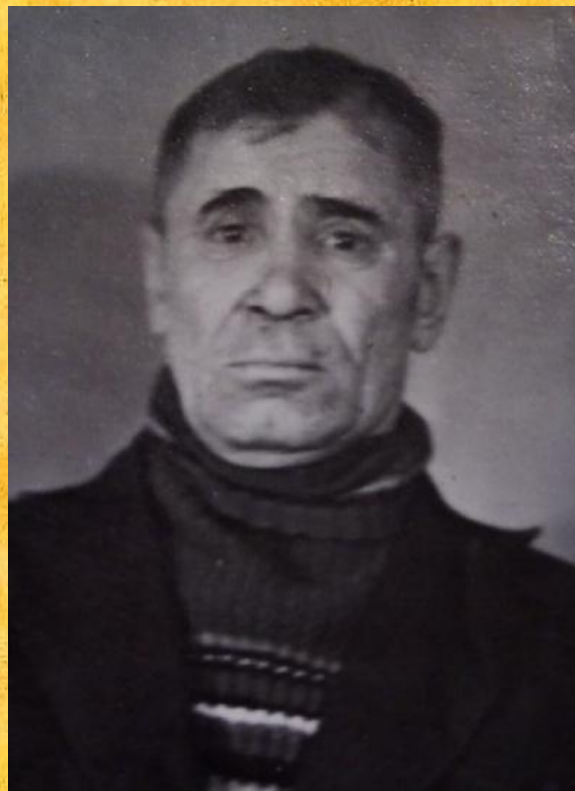

Шарипов Вагиз Шарипович (1914-1975)
воинское звание: красноармеец
родство: дядя Шагиевой З.Р. (АЗЖИ)

Хайбрахманов
Летфрахман Хайбрахманович (1906-1945)
воинское звание: сержант
родство: прадед Салахутдиновой Р.Н. (АЗЖИ)

Зайнуллин Яхъя Сафиуллович (1925-1984)
воинское звание: старший сержант
родство: дед Салахутдиновой Р.Н. (АЗЖИ)

Галлямов Габделхай Галлямович (1923-1942)

воинское звание: красноармеец

родство: брат бабушки Анамовой А.Р. (АП ГЖИ РТ)

Муллахметов

Динмухаммет Динмухамметович (1907-1943)

воинское звание: стрелок 1031 стрелкового полка

Родство: прадед Анамовой А.Р. (АП ГЖИ РТ)

[illegible]

Личный № Б-810134

A black and white portrait of a man in a military uniform. He is wearing a dark, high-collared jacket with a star on the left chest and several medals on the right chest. The background is dark and textured.

воинское звание: военный техник I ранга
родство: прадед Митрофановой Е.А. (ЕЗЖИ)

1941-1945

Место призыва: Татарская АССР, Альметьевский РВК

Последнее место службы: 475 отд. гвмин.д

Дата выбытия: от 11.06.1943

Причина выбытия: умер от болезни

Госпиталь: ЭГ 2939

Первичное место захоронения: Московская область,
г.Москва, Преображенское кладбище, могила №4418

Галимов Исхак Хайдарович (1924-1943)
военское звание: красноармеец
родство: Бикчантаева Л.З. (АЗЖИ)

Место призыва: Татарская АССР, Альметьевский РВК

Последнее место службы: 19 сд

Дата выбытия: между 10.08.1942 и 19.08.1942

Причина выбытия: умер от ран

Первичное место захоронения: Смоленская область,
Кармановский р-н, Подъялковский с/с, д.Подъелье, в районе

Галимов Искандер Хайдарович (1922-1942)
военское звание: красноармеец
родство: Бикчантаева Л.З. (АЗЖИ)

Хайруллин Гатаулла Хайруллович (1904-1943)
воинское звание: рядовой
родство: дед Галимовой Р.Н.

Мотыгуллин Гатият Мотыгуллович (1902-1942)
воинское звание: рядовой
родство: дед Галимовой Р.Н. (АП ГЖИ РТ)

Фахрутдинов Адиятулла Мифтахович (1913-1943)

воинское звание: лейтенант

родство: дед Хакимова Н.Р. (АП ГЖИ РТ)

Мингазова Васфикамал Миннебаевна (1925 - по наст.вр.)

труженик тыла

родство: бабушка Исхаковой А.Р. (АП ГЖИ РТ)

НАШИ ЗЕМЛЯКИ

*Знаменитые врачи г. Елабуги и Елабужского района Республики Татарстан
Нечаевы Леонид Петрович и Татьяна Александровна*

Июнь 1941 года они встретили в г. Куйбышев (ныне г. Самара) в период окончания студенческих лет, сдаче государственных экзаменов и присвоения квалификации «доктор». Война разлучила их на долгих четыре года.

Они встретились только в 1945 году....

1941 - 1945

Письмо Нечаева Л.П. от 26 мая 1945 года

«Здравствуй дорогая Таточка! Совсем был близок час нашей встречи. По присланной телеграмме мне удалось получить принципиальное согласие на месячный отпуск в ОВК и у председателя Райисполкома, но последний не дал окончательной санкции в отсутствии заведующей здравотделом, а она вот только вчера вернулась из командировки. Теперь же я сам вынужден отложить на июнь месяц с тем, что бы выехать с большей долей вероятно на более длительное время. Очень уж надоела мне эта дыра, я убедился, что оставаться здесь еще хотя бы на зиму немыслимо. И ты совершенно права в том, что двум врачам вырваться на много трудней.

Ну вот и долгожданная победа! Все как-то представляли этот день по-разному и, конечно, не таким. Каждый человек соединял всегда с этим днем исполнение всех своих желаний. Я, лично, всегда говорил, что я с наступлением этого дня «на карячках» уеду вопреки всему. Но ничего, в июне то мы обязательно встретимся, и я исполню желание июня 1941 года – в белом костюме походить вместе с тобой и Ларочкой по прекрасным камским берегам. Кошмар кончился, но как-то не верится, что огрубевшие во время войны сердца будут теперь одушевлены, будут способны отдаваться всем мелочным красотам, окружающих их. Неужели придет снова та возможность чувств и восприятия, которые мы живо ощущали до войны? Да, теперь я выбиваю клинья с тем, что бы уехать от сюда совсем. Возможно, во время отпуска всё таки придётся добиваться урегулировать это через Наркомат, если не удастся остаться в РСФСР, то во всяком случае необходимо сменить место, хотя бы в пределах области. Жизнью здесь я полностью разочарован.

Ну, как живет Лариса? Ты пишешь, что она уже вышла из интересного возраста? Жаль, но надеюсь, что твоё заключение – преувеличение! Крепко её поцелуй за меня, так же, как я её расцелую через месяц.

Мама мне пишет редко, тоже волнуется за судьбу Геннадия. От него уже давно ничего не получал.

Будем надеяться на лучшее.

Привет родным, крепко целую, твой Леонид.

26 мая 1945 года

16 августа 1941 года Леонид Петрович был отозван в распоряжение начальника ГВСУ РККА и назначен старшим врачом 8-го минометного полка.

19-го сентября 1941 года в составе частей майора Воеводина полк прибыл в М. Белозерку и принял участие в наступлении, которое было объявлено 26 сентября 1941 г.

Чуть позже, 2-го октября 1941 года, полк начал отступление на Б.Токмак, а в 13 часов прибыли в с. Андреевка того же района, Запорожской области, где и были окружены немецкими танками. Выполняя приказ командира полка Лобанова "прорываться на юг", Л.П. Нечаев на санитарной машине и еще несколько боевых машин выехали на юго-восточную окраину села Андреевка в надежде прорвать кольцо немецких танков, но машины были подбиты и он, пробираясь в лошину, был прижат огнем пулеметов. Это было настоящим боевым крещением. Сам Леонид Петрович вспоминает: "Перед наступлением темноты, когда наш гарнизон был побежден, ко мне приблизился немецкий танк. Я, перед этим закопав в землю кандидатскую карточку ВКП(б), притворился мертвым. А когда танк отъехал, я, встретив своего санинструктора, вместе с ним стал пробираться на юго-восток. Двигаясь ночью и прячась в скирдах днем, мы двое суток пытались выйти к своим, но, узнав, что г. Мариуполь уже занят, мы переоделись в гражданское платье и продолжали путь до вечера 12-го октября. При этом обошли такие села: Малиновку, Николаевку, Сафиловку, Н.Троицкое, Трояны, г. Осипенко, Петровское и, не доходя с.Ялты (под Мариуполем) были задержаны и отправлены с проходящей машиной в лагерь с Андреевка. Там оказалось 1216 человек раненых наших бойцов, и я принял активное участие в оказании им хирургической помощи, испробовал все способы обеспечения медикаментами и перевязочным материалом. Достал все необходимое частью с поля боя, а частью в то время еще не до конца разграбленной мариупольской аптечной базы. Лагерь военнопленных был перегнан в с.Пологи, а наш "лазарет" был оставлен в с. Андреевка и "забыт".

Во время окружения - с 6 октября 1941 года по 18 сентября 1943 г., лечил раненых и местное население. За это время Нечаев был назначен начальником лазарета, который разместили по приказу подпольного партизанского центра за селом в старой конюшне.

В старых, заброшенных конюшнях, о которых немцы и понятия не имели, делал он операции.

«Со всей деревни собирали ножи, пилы, самогон, который применялся вместо наркоза, - вспоминал потом Леонид Петрович. Не хватало скальпелей, бинтов. А операции приходилось делать самые непредвиденные и сложные, вплоть до ампутации конечностей.» [с.9,4]

По ликвидации лазарета и по выздоровлении всех находившихся там, Леонид Петрович стал работать врачом в Андреевке, и в оставшейся операционной оказывал медицинскую помощь гражданскому населению. Борясь с возросшей эпидемией сыпного тифа в 1942-43 годах, он добился полного исчезновения этого заболевания в районе. С приближением частей Красной армии это место укрыли от угона в Германию местные жители, и 17 сентября 1943 года Л.П. Нечаев оказался по эту сторону фронта, будучи до этого подожжен в топливном кирпиче, где прятался.

За время пребывания на оккупированной территории Леонид Петрович сделал все, что мог по сохранению жизни бывших бойцов и командиров Красной Армии. Спасал жизнь детей и взрослых, как заболевших, так и раненых разбросанными на полях снарядами, спасал население от угона в Германию путем указания болезней, положения карантина и изоляции так называемых «сыпнотифозных», где несколько членов семьи подвергались угону. Кроме этого использовал всякие возможности на комиссиях. Таким образом удалось спасти всю родню расстрелянного немцами пропагандиста РККП(б) Дубонос, учительниц: Бабич и Сковрцову, жену расстрелянного Горновую, мать расстрелянных детей Клименко, редактора бывшей районной газеты Герасименко и многих других.

По роду своей деятельности он буквально вытаскивал раненых с того света.

Не раз смотрел смерти в глаза, спасал раненых, работал дни и ночи, порой без сна и отдыха. Жизнерадостность, оптимизм, вера помогли врачу перенести все тяготы и страдания.

После освобождения – с 18 сентября 1943 г. по март 1944 г. работал главным врачом Андреевской районной больницы, затем в Запорожье – до мая 1944 г. Всё это время он скрывался под видом местного жителя «Нечая». «Батка Нечай» так называли его, хотя ему и тридцати не было.

В настоящее время фотографии, письма, документы хирурга хранятся в Ленинградском военно-медицинском музее.

Но письмо из Ленинградского Военно-медицинского музея не застало своего адресата. Музейные работники собирали материал о безвестных героях-медиках, участников движения сопротивления в годы Отечественной войны 1941-1945 годов. Супруга Леонида Петровича, Татьяна Александровна, дала ответ (письмо пришло вскоре после похорон Л.П. Нечаева), в котором сообщила о смерти супруга.

Татьяна Александровна отослала в музей документы, заверенные сельским советом и военкоматом Андреевского района – место, где Леонид Петрович провел годы оккупации, письма тех, кого доктор спас от «фашистской неволи» и единственную фотографию тех лет, где он изображен в том виде в котором ему пришлось скрываться под видом местного жителя Нечая.

Научными сотрудниками военно-медицинского музея г. Санкт-Петербург сохраняется в фондах (15545-ФВФ) информация о враче-хирурге Нечаеве Л.П.

Татьяна Александровна в своих воспоминаниях детально описывала состояние военнопленных немцев-японцев: «...горе-завоеватели, когда-то грозившие нам молниеносной победой и гибелью имели жуткий вид: грязные оборванные, истощенные-дистрофики. Были среди них и больные сыпным тифом, дизентерией и другими заболеваниями...пленные, особенно первой принятой партии, настроены крайне негативно, враждебно. Смотрят на нас с недоверием, отказываются идти в баню, принимать лекарства, делать инъекции. Они боялись расплаты за свои злодеяния и насилие, во всем видели злой умысел...»

1941 - 1945

*Вечная слава героям,
павшим за нашу
Родину!*

